

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИНСТИТУТЫ, ПРОЦЕССЫ И ТЕХНОЛОГИИ / POLITICAL INSTITUTIONS, PROCESSES AND TECHNOLOGIES

УДК 323:327.56

DOI: 10.15507/2413-1407.119.030.202202.258-277

Научная статья

<http://regionsar.ru>

ISSN 2587-8549 (Print)

ISSN 2413-1407 (Online)

Черноморский регион как пространство конфликта в дискурсе западных аналитических центров (2018–2021 гг.)

О. А. Москаленко ✉

А. А. Ирхин

Н. Е. Кабанова

*Севастопольский государственный университет
(г. Севастополь, Российская Федерация)*
✉ kerulen@bk.ru

Аннотация

Введение. Усиление субъектности России в Черноморском регионе делает его центром западной медийной и экспертно-аналитической повестки. С точки зрения авторов статьи, Черноморский регион в дискурсе западных «фабрик мысли» представляется в качестве пространства конфликта, что обуславливает цель статьи – по результатам проведенного исследования определить механизмы его метафорического конструирования в таком качестве.

Материалы и методы. Материалами исследования послужили доклады 2018–2021 гг. ведущих западных аналитических центров, разрабатывающих проблематику региона. Методологической основой является системный подход, позволяющий сочетать методы политической лингвистики и геополитического анализа и синтеза. Методы дискурс-анализа применяются для интерпретации материалов зарубежных экспертно-аналитических центров и на основе определения доминирующих метафорических моделей в дискурсе конфликта Черноморского региона рассматривают вероятные сценарии поведения основных акторов в регионе.

Результаты исследования. Изучены нарративы ведущих американских, европейских и британских экспертно-аналитических центров и выделены основные метафорические модели, характеризующие геополитические процессы в регионе. В американском дискурсе доминирует спортивная метафора и ее подвид, связанный с азартными

© Москаленко О. А., Ирхин А. А., Кабанова Н. Е., 2022

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

играми: регион воспринимается как пространство состязания, но не войны, о чем говорит отсутствие военной метафоры, которая появляется в нарративах европейских экспертов. Черноморский регион предстает платформой, трамплином для проекции российской силы в Средиземноморье, что реализовано за счет метафор с компонентом *aggressive*. У британцев регион метафоризируется как поле информационной войны.

Обсуждение и заключение. Выделяются два основных типа восприятия Черноморского региона как геополитической единицы американскими и британскими экспертно-аналитическими центрами: американские «фабрики мысли» видят его как пространство глобальной конкуренции великих держав, а Великобритания сделала регион платформой для возвращения на мировую арену Глобальной Британии за счет привлечения риторики универсальных ценностей. Материалы статьи и используемая методология могут привлекаться при информационно-аналитическом сопровождении внешнеполитических решений западных стран и для проектирования ответных мер со стороны России в условиях усиления противостояния основных акторов Черноморского региона.

Ключевые слова: Черноморский регион, геополитика, нарратив, метафорическая модель, дискурс, экспертно-аналитические центры

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Москаленко О. А., Ирхин А. А., Кабанова Н. Е. Черноморский регион как пространство конфликта в дискурсе западных аналитических центров (2018–2021 гг.) // Регионология. 2022. Т. 30, № 2. С. 258–277. doi: <https://doi.org/10.15507/2413-1407.119.030.202202.258-277>

Original article

The Black Sea Region as a Conflict Space in the Discourse of Foreign Think Tanks of 2018–2021

O. A. Moskalenko[✉], A. A. Irkhin, N. E. Kabanova
Sevastopol State University (Sevastopol, Russian Federation)
[✉] kerulen@bk.ru

Abstract

Introduction. The strengthening of Russia's subjectivity in the Black Sea region makes it the center of the Western media and expert-analytical agenda. The authors of the study aim to define the mechanisms of metaphorical construction of the Black Sea region as a space of conflict in the discourse of the Western think tanks.

Materials and Methods. The reports of the leading Western think tanks developing the region concept are used as research materials. The methodological basis of the study is a systematic approach that combines the methods of political linguistics and geopolitical analysis and synthesis. The authors use the methods of discourse analysis to interpret the materials of foreign think tanks devoted to the study of the region, and based on the definition of dominant metaphorical models in the discourse of the Black Sea region, consider possible scenarios for the leading actors in the region.

Results. The narratives of the leading American, European and British think tanks are considered and the main metaphorical models characterizing the geopolitical processes in the region are highlighted. The American discourse is dominated by the sports metaphor and

its subspecies associated with gambling: the region is perceived as a space of competition, but not war, as evidenced by the lack of military metaphor, which, however, appears in the narratives of the European experts. The Black Sea region is a platform, a springboard for the projection of Russian power in the Mediterranean, which is realized through metaphors with the component “aggressive”. For the British, the Black Sea region is metaphorized as a space of information warfare.

Discussion and Conclusion. There are two main types of perception of the Black Sea region as a geopolitical unit by the Western think tanks: the American think tanks see it as a space of global competition of the great powers; the Great Britain has made the Black Sea region a platform for a return to the global arena of Global Britain by drawing on the rhetoric of universal values. The materials of the article and the methodology may be useful for information and analytical support of the foreign policy of the Western countries and for design of response from part of Russia under the condition of intensification of contest of the main Black Sea region actors.

Keywords: the Black Sea Region, geopolitics, narrative, metaphorical model, discourse, think tanks

Conflict of interests. The authors declare that there is no conflict of interest.

For citation: Moskalenko O.A., Irkhin A.A., Kabanova N.E. The Black Sea Region as a Conflict Space in the Discourse of Foreign Think Tanks of 2018–2021. *Regionology. Russian Journal of Regional Studies*. 2022;30(2):258–277. doi: <https://doi.org/10.15507/2413-1407.119.030.202202.258-277>

Введение. Нестабильность системы международных отношений закономерно приводит к тому, что понятия конфликта, конфронтации, противостояния часто фигурируют в медийном и экспертном дискурсе. С момента возвращения Крыма в состав России Черноморский регион оказывается в центре информационной повестки и продолжает удерживать в ней лидирующие позиции. Безусловно, усиление субъектности России в регионе вызывает информационные всплески со стороны западного информационного поля, строящиеся по определенной модели, в которой образ поведения России лишается конструктивных черт и аргументированности. Казалось бы, экспертно-аналитический дискурс, представленный интеллектуальными разработками «фабрик мысли» (think tanks), должен характеризоваться более сдержанной образностью и большей аргументированностью, тем не менее, когда речь заходит о присутствии России в Черноморском регионе, так или иначе актуализируется метафорика конфликта и агрессии, инициатором которых выступает именно Российская Федерация. Цель статьи – на основе проведенного исследования определить механизмы метафорического конструирования Черноморского региона в качестве пространства конфликта в дискурсе западных аналитических центров. Объектом исследования является Черноморский регион как феномен междисциплинарного анализа, предметом – Черноморский регион как пространство конфликта в дискурсе западных аналитических центров (2018–2021 гг.).

Обзор литературы. Важным для системной характеристики геополитических процессов в Черноморском регионе является принцип его выделения. Как отмечают А. А. Ирхин, О. А. Москаленко, регион становится пространством конкуренции геополитических проектов великих держав, что позволяет рассматривать его в первую очередь не как географическое, а как геополитическое пространство, представленное в четырех вариантах: как пространство семи прибрежных государств, как Балто-Черноморский регион, как Черноморско-Каспийский регион и как «нервный узел» Большого Средиземноморья [1]. Особого внимания заслуживает концепция региона как части геополитической единицы региона Большого Средиземноморья, получившая осмысление в работах М. В. Ильина [2], В. Д. Нечаева [3], И. А. Чихарева [4; 5], А. А. Ирхина, О. А. Москаленко [1; 6], М. М. Агазаде [7]. В рамках концепции «Больших пространств» Германского фонда Маршалла Соединенных Штатов (The German Marshall Fund of the United States) в 2004 г. представлен документ «Развитие новой Евро-Атлантической стратегии в отношении Черноморского региона» (Developing a New Euro-Atlantic Strategy for the Black Sea Region [8]), направленный на укрепление позиций Соединенных Штатов на данном пространстве; схожая цель отражена в документе 2006 г. Фонда «Наследие» (The Heritage Foundation) «Стратегия США в Черноморском регионе» (US Strategy in the Black Sea Region¹) – обе «стратегии были направлены на концептуализацию процесса вытеснения России из региона за счет продвижения “евро-атлантической общности” на Восток Черноморского региона: Украину, Грузию, Молдову, а также Азербайджан и Армению» [9, с. 321]. Американский дипломат М. Брайза еще в 2006 г. обобщил восприятие региона Соединенными Штатами как целостного геополитического пространства с единой экономико-политической идентичностью, требующей влияния [10].

На период 2000–2010-х гг. приходится активные попытки концептуализации Черноморского региона в зарубежных источниках как геополитического пространства. При этом подчеркивается, что именно после холодной войны Черноморский регион стал не только оформляться как единый регион, но и одновременно превращаться в ключевое пространство нового витка геополитического противостояния. К такому заключению приходит в 2009 г. Я. Тсантуллис на основе изучения дискурсивных практик региона, включающих весь спектр социальных и культурных составляющих, таких как коллективная идентичность, история, восприятие, социальные нормы, идеология [11], а уже в 2020 г. он ставит вопрос о необходимости критического анализа дискурсов формирования Черноморского региона, что позволило бы проследить, как в академических и политических нарративах конструируется регион [12].

¹ Cohen A., Irwin C. U.S. Strategy in the Black Sea Region [Электронный ресурс]. URL: <https://www.heritage.org/europe/report/us-strategy-the-black-sea-region> (дата обращения: 10.02.2022).

Вполне закономерно, что появляются работы, изучающие репрезентацию Черноморского региона в медийном и научном дискурсе: особый всплеск отмечается после 2014 г. и активного возвращения в регион. Например, М. Семенишин, эксперт The International Centre for Black Sea Studies (ICBSS), отмечает фрагментарное присутствие региона как единого пространства в медийном поле России, Турции и Украины в 2014 г. [13]; И. А. Чихарев, О. В. Ярмак, воспринимая Черноморский регион как единицу в рамках макрорегиона Большого Средиземноморья, подчеркивают необходимость изучения дискурса экспертно-аналитических центров, чтобы впоследствии моделировать информационное и гуманитарное присутствие России в макрорегионе [14]. Тем не менее пока не удается обнаружить работы, в которых был бы представлен системный и основанный на четкой методологии анализ дискурсов экспертно-аналитических центров, разрабатывающих политические проблемы Черноморского региона.

Материалы и методы. В качестве материалов исследования привлекаются доклады ведущих аналитических центров: отбор производился на основании актуального на 2021 г. рейтинга «фабрик мысли» 2020 Global Go To Think Tank Index Report², ежегодно выпускаемого Пенсильванским университетом. Для отражения динамики изучения Черноморского региона исследователи обращаются к разработкам американских аналитических центров, которые в 1990–2000-е гг. занимались изучением проблем Черноморского региона и продолжают заниматься экспертной оценкой политических процессов в регионе: в частности, Brookings Institution, Center for Strategic and International Studies, German Marshall Fund, Heritage Foundation³ [6] и др., так как их роль в концептуализации Большого Черноморского региона сложно переоценить. Проблематика Черноморского региона активно включена в повестку экспертно-аналитического центра Middle East Institute (основан в 1946 г.), штаб-квартира которого находится в Вашингтоне. Отметим, что вопросы взаимодействия в Черноморском регионе попадают в фокус внимания все большего количества «фабрик мысли». Считаем необходимым привлечь к анализу дискурса экспертно-аналитического центра Carnegie Endowment for International Peace Middle East Center и британского Chatam House (4-я и 6-я позиции в рейтинге ведущих мировых неамериканских аналитических центров соответственно⁴). В таблице 1 представлен рейтинг аналитических центров, традиционно изучающих проблемы Черноморского региона.

² McGann J. 2020 Global Go To Think Tank Index Report [Электронный ресурс]. URL: https://repository.upenn.edu/think_tanks/18 (дата обращения: 10.02.2022).

³ Ирхин А., Москаленко О. Черноморско-Средиземноморский регион в современной западной аналитике // Гуманитарные чтения «Севастопольская гавань»: материалы конф. (20–21 сентября 2019 г., Севастополь). Севастополь: ФГАОВ ВО «Севастопольский государственный университет», 2019. С. 319–24.

⁴ Там же.

Таблица 1. Мировой рейтинг аналитических центров на 2021 г.⁵

Table 1. World ranking of think tanks as is on 2021

Позиция в рейтинге / Position in ranking	Название / Title	Страна / Country
Лидер 2016–2019 / Leader 2016–2019	Worldwide (US and non-US) Center of Excellence for 2016–2019 Brookings Institution	USA
1	Carnegie Endowment for International Peace	USA
4	Center for Strategic and International Studies (CSIS)	USA
6	Chatham House	United Kingdom
7	RAND Corporation	USA
13	Heritage Foundation	USA
19	Council on Foreign Relations (CFR)	USA
31	Middle East Institute (MEI)	USA
64	IEMed. Mediterranean Yearbook 2019	Spain, USA

Методологической основой исследования является системный подход, который позволил нам творчески подойти к сочетанию методов политической лингвистики и геополитического анализа и синтеза. Методы дискурс-анализа были применены для интерпретации материалов зарубежных экспертно-аналитических центров, посвященных изучению проблем региона, и на основе определения доминирующих метафорических моделей в дискурсе конфликта Черноморского региона рассмотрены вероятные сценарии поведения основных акторов в регионе. При этом процессы в регионе отличаются высокой динамикой и многовекторностью, что не может не отражаться на характере дискурса не только медийного, но и экспертно-аналитического. С нашей точки зрения, выявление набора метафорических моделей на основе теории концептуальной политической метафоры, представленной Дж. Лакоффом⁶ и М. Джонсоном [15], а в отечественной науке активно разрабатываемой уральской школой политической лингвистики, в частности Э. В. Будаевым и А. П. Чудиновым⁷, может стать одним из ключей к пониманию и прогнозированию геополитики Черноморского региона.

Результаты исследования. Ситуация в Черноморском регионе концептуализируется в нарративах западных экспертно-аналитических центров через устойчивые модели метафоризации, выбор которых зависит от политической ориентации «фабрики мысли».

⁵ Составлено авторами на основе данных рейтинга 2020 Global Go To Think Tank Index Report.

⁶ Lakoff G. Metaphor and War: The Metaphor System Used to Justify War in the Gulf // Peace Research. 1991. Vol. 23, no. 2/3. Pp. 25–32.

⁷ Будаев Э. В. Сопоставительная политическая метафорология. Нижний Тагил : НТГСПА, 2011. 330 с.; Будаев Э. В., Чудинов А. П. Метафора в политическом интердискурсе : моногр. Екатеринбург : Урал. гос. пед. ун-т, 2006. 215 с.

В течение многих лет возглавляющий рейтинг лучших аналитических центров мира Брукингский институт (основан в 1916 г.) специализируется на общественных науках, муниципальном управлении, внешней политике и мировой экономике. Ключевым понятием в нарративе американского экспертно-аналитического центра в 2020 г. становится противопоставление в рамках модели конкуренции или противостояния великих держав: *great-power competition / great-power conflict*, возникающее в том числе в связи с ситуацией в Черноморском регионе: «America is in a period of *great-power competition* but it is *not in a period of conflict*⁸, and the goal should be to keep things that way while competing effectively against Russian and Chinese influence»⁹. Данное высказывание генерала М. Милли прозвучало в интервью эксперту Brookings М. О'Ханлону. Материал начинается с констатации факта удаленности Черноморского региона от США и подчеркнутой необходимости его концептуализации для Соединенных Штатов. Страновой принцип не является подходящим для выделения региона, на что есть объективные причины: во-первых, его удаленность (*remote region*) от США, а во-вторых, безликость большинства стран: «This part of the world involves a number of countries, small and large, that are generally not the most frequently discussed in American news nor frequented by American tourists»¹⁰, тем не менее именно водное геополитическое пространство Черного моря становится точкой отсчета для выработки внешнеполитической стратегии США: «It can be helpful to take a perspective that centers on the Black Sea and views that *body of water as the key point of reference for much of the region*»¹¹. Черноморский регион концептуализируется через спортивную метафору, уподобляясь огромной площадке для игры в бейсбол. Субъектностью наделены три «ведущих игрока» (*three big anchors*): Украина в северной части региона, Турция – в южной, Россия – в северо-восточной. По тройке стран-игроков расположены на противоположных концах поля: Румыния, Болгария и Молдова – в левой части (на западе), Грузия, Армения, Азербайджан – в правой (на востоке). Итого перед нами классическая бейсбольная расстановка в девять игроков, роль которых меняется в зависимости от текущей ситуации на игровом поле. В случае Черноморского региона ход игры определяется принадлежностью стран к блоку НАТО, отношениями с НАТО и поведением США.

Генерал Милли неоднократно подчеркивает, что в настоящий момент США находятся в состоянии «соревнования», «состязания» великих держав – *great-power competition*. Рассмотрим, что подразумевается под понятием

⁸ Здесь и далее выделение курсивом в цитатах авторов статьи.

⁹ Breedlove Ph., O'Hanlon M. The Black Sea: How America can Avoid a Great-Power Conflict [Электронный ресурс] // Brookings : сайт. 2020. URL: <https://www.brookings.edu/blog/order-from-chaos/2020/12/15/the-black-sea-how-america-can-avoid-a-great-power-conflict/> (дата обращения: 10.02.2022).

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же.

great-power competition, так как, несмотря на наличие устойчивого словарного определения, этот термин после выхода доктринальных документов администрации Д. Трампа меняет семантическое наполнение. Итак, в настоящее время понятие *great-power competition* стало ключевым для оборонной отрасли: во многом его превращение из несколько абстрактной идеологемы в термин, обязательный для оборонно-стратегического дискурса, связано с выходом доктринальных документов администрации Д. Трампа: 2017 National Security Strategy и 2018 National Defense Strategy. Администрация Д. Трампа выделила «два уровня конкурентов, размывающих существующий мировой порядок. На первом помещены стратегические конкуренты – Китай и Россия (*competitors*), на втором – соперники: Северная Корея и Иран (*adversaries*)» [16]. Отметим значительную семантическую разницу между понятиями *competitor* и *adversary*, которыми в Стратегии – 2017 обозначены силы, не являющиеся союзниками США. Если «термин *adversary* фактически констатирует наличие враждебных отношений, не акцентируя внимание на их инициаторе, то *competitor* – подразумевает противостояние на равных, в которое обе стороны вовлечены и при этом не способны выйти из него без потерь... Если в Стратегиях, появившихся при предыдущих президентах, встречаются единичные случаи упоминания “потенциальных врагов” или “бывших врагов” (*potential adversary, former adversary*), то впервые именно в Стратегии Д. Трампа появляется сам термин *competitor* в значении “стратегический конкурент”» [16]. В Стратегии – 2010 Б. Обамы и Стратегии – 2006 Дж. Буша встречаем лишь однократные упоминания потенциальных конкурентов (*potential competitors*), которые не конкретизируются¹², а в документе 2002 г., изданном администрацией Дж. Буша, вопрос о значимости России как мировой державы официально снят с повестки: «Россия больше не является стратегическим соперником США» (*strategic adversary*)¹³. В Национальной оборонной стратегии 2018 г. сочетание *great-power competition* встречается трижды. Как отмечает офицер Комитета начальника штабов США А. Борофф, термин связан практически со всеми сферами: оборонной, стратегической, безопасности, при этом во многом его актуальность обусловлена пандемией COVID-19¹⁴, хотя его точная дефиниция именно для оборонно-стратегического планирования не приводится. Смысловая неопределенность может повлечь непредвиденные последствия вплоть до геополитических, но не ограничиться ими. Выделяются как минимум четыре группы стейкхолдеров, которые по-разному

¹² National Security Strategy of the United States of America [Электронный ресурс]. March 2006. URL: <https://nssarchive.us/national-security-strategy-2006/>; National Security Strategy [Электронный ресурс]. May 2010. URL: <https://nssarchive.us/national-security-strategy-2010/> (дата обращения: 10.02.2022).

¹³ National Security Strategy of the United States of America [Электронный ресурс]. September 2002. P. 26. URL: <https://nssarchive.us/national-security-strategy-2002/> (дата обращения: 23.01.2022).

¹⁴ Boroff A. What Is Great-Power Competition, Anyway? [Электронный ресурс] // Modern War Institute. 2020. 17 April. URL: <https://mwi.usma.edu/great-power-competition-anyway/> (дата обращения: 10.02.2022).

тракуют понятие *great-power competition*: американские военные, оборонная промышленность, дипломатия и политики – можно позволить каждому оставаться в рамках собственного «корпоративного понимания», а можно стремиться выработать общее, в том числе с учетом уроков истории. Появление стратегических конкурентов – *great-power competitors* – в целом было неизбежным: «однополярный момент» (*unipolar moment* – сочетание было впервые употреблено Ч. Краутхаммером в одноименной статье 1990 г., опубликованной *Foreign Affairs*, для обозначения триумфа и доминирования США, которое, тем не менее, будет носить временный характер¹⁵) потому и именуется моментом, что является исключением в истории многополярного/биполярного мира, а значит, США следует принять неизбежность смещения полюсов силы. Такой тип конкуренции в настоящей геополитической реальности может принимать форму прокси-войн, которые ведутся на буферных либо непризнанных территориях (проводя исторические параллели, можем обратиться к примеру Крымской войны 1853–1856 гг.¹⁶). Таким образом, проявляется проблема Крыма и Черноморского региона как пространства конкуренции великих держав. При этом содержательное наполнение понятия *great-power competition* должно основываться на анализе текущей геополитической ситуации, учитывать уроки истории, равно как и множественные факторы, включая политические, социальные, технологические, экологические, эпидемиологические и др.

Понятие *great-power competition*, ставшее неотъемлемым элементом американского внешнеполитического дискурса с 2017 г., значительно расширило спектр значений и в 2021 г. понимается не просто как конкуренция/соствязание (*competition*) США с другим актором системы международных отношений, но и связано с формулированием четких целей: они могут быть материальными или нематериальными (например, влияние, легитимность), но обязательно обеспечивающими право на установление глобальных норм и условий системы международных отношений. В программном материале, опубликованном в *The National Interest*, официальном издании Брукингского института, офицер Совета Безопасности К. Билмс, выводя дефиниции рассматриваемого нами понятия, подчеркивает, что Вашингтону следует сосредоточить стратегии именно на семантике слова *competition* и не включать в нее значение активно использовавшегося в годы холодной войны понятия *political warfare*¹⁷. Таким образом, на семантическом уровне предлагается отказаться от агрессивных средств, присущих «политической борьбе» (*political warfare*), определение которой в начале холодной войны было дано

¹⁵ Krauthammer Ch. The Unipolar Moment // *Foreign Affairs*. 1990. Vol. 70, no. 1. Pp. 23–33.

¹⁶ Boroff A. What Is Great-Power Competition, Anyway?

¹⁷ Bilms K. Avoid 'Great-Power Competition' in Future Security Strategies // *The National Interest*. January 6, 2021 [Электронный ресурс]. URL: <https://nationalinterest.org/blog/buzz/avoid-%E2%80%98great-power-competition%E2%80%99-future-security-strategies-175896> (дата обращения: 10.02.2022).

следующим образом: «Political warfare is the logical application of Clausewitz's doctrine in time of peace. In broadest definition, political warfare is the employment of all the means at a nation's command, short of war, to achieve its national objectives. Such operations are both overt and covert. They range from such overt actions as political alliances, economic measures (as ERP), and "white" propaganda to such covert operations as clandestine support of "friendly" foreign elements, "black" psychological warfare and even encouragement of underground resistance in hostile states»¹⁸.

Итак, ключевым является сохранение стадии *competition* без перехода на стадию конфликта. Именно на этом делает акцент генерал Милли, выстраивая этапы развития отношений США и России вокруг Черноморского региона: «America is in a period of *great-power competition* but it is *not in a period of conflict*, and the goal should be to keep things that way while *competing* effectively against Russian and Chinese influence»¹⁹. При этом подчеркивается, что, хотя Китай не несет прямой военной угрозы, он препятствует реализации экономических, технологических и разведывательных интересов США в Черноморском регионе – через инициативу «Пояс и Путь» и применение технологий 5G для тщательного контроля населения Черноморского региона («Black Sea inhabitants will be monitored if and when they accept Chinese technology, even from private firms, in realms like 5G»²⁰). Регион, характеризовавшийся эпитетом «удаленный» (*remote*), метафорически обозначаемый «полосой земли» (*swath*) и требовавший концептуализации на примере понятного рядовому американцу сравнения с бейсбольным полем, в ходе разворачивания экспертного дискурса приобретает эпитеты «жизненно важный» (*vital*) и «первоочередной важности» (*of importance*). Тем не менее как мантра повторяется фраза, что «война не должна стать будущим региона»: «The good news is that war does not have to be the future for the Black Sea»²¹), но залог ее реализации – присутствие США на лидирующих позициях в Черноморском регионе.

Роль лидирующего игрока для США в Черноморском регионе оправдывается через риторику универсальных ценностей, проанализированную и описанную И. Валлерстайном [17], и резкое повышение пафоса дискурса: «In the first half of the last century, from 1914 to 1945 we had two world wars. And in between 1914 and 1945 150 million people were slaughtered in the conduct of war... Massive amounts of blood and destruction and we're still obviously feeling the effects of World Wars I and II. And it's *unbelievable to think of great-power war*. And now if you think of *great-power war*, with nuclear weapons it's like,

¹⁸ Policy Planning Staff Memorandum. Washington, May 4, 1948 [Электронный ресурс] // National Archives and Records Administration, RG 273, Records of the National Security Council, NSC 10/2. URL: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1945-50Intel/d269> (дата обращения: 10.02.2022).

¹⁹ Breedlove Ph., O'Hanlon M. The Black Sea: How America can Avoid a Great-Power Conflict.

²⁰ Там же.

²¹ Там же.

my God, you've got to make sure that doesn't happen)²² – местоимение «мы», заостренное представление американской нации непосредственным участником и жертвой двух мировых войн, использование образных конструкций и эмоциональных восклицаний создают эффект искренней заботы Штатов о судьбе человечества, узаконивая таким образом их роль в качестве глобальной силы и оправдывая право на вмешательство.

Тем не менее в виде отдельных битв война велась давно, о чем говорит А. Стент в материале от 16 августа 2021 г.²³. Возвращение России в качестве морской державы вызвало «невиданные волны на Черном море», а «угроза навигации в Черном море» распространилась на мировой океан. Построение экспертных оценок на основе привлечения тактики аналогий является привлекательным для экспертов Брукингского института: тематика поведения России в Черноморском регионе связана с поведением Китая в Южно-Китайском море: «*The stakes are higher than just Russia and the Black Sea, moreover. The fate of Crimea's territorial waters could have profound resonance in the South China Sea, where Beijing claims sovereignty over most of its territorial waters*»²⁴. Отметим, что хотя в этом тексте не упоминается прямо понятие *great-power competition*, но разворачивается все та же социоморфная метафора со сферой-источником «спорт», а точнее «азартные игры»: «*Russia and Turkey have a long history of conflict, much of which has played out on the Black Sea*»; «*The Biden administration must decide how to respond to the Kremlin's growing military presence in Black Sea region and to its bid to control the waters around Crimea. The stakes are higher than just Russia and the Black Sea, moreover*»; «*Countering Russia's play for naval dominance in the Black Sea will need to involve Turkey, since it controls access to the Black Sea*»; «*Putin's bid for naval dominance*»; «*Russia's power play in the Black Sea*»²⁵.

Текст А. Стент частично повторяет целые пассажи из аналитического материала П. Стронски, опубликованного 20 мая 2021 г. Фондом Карнеги. В название материала вынесен риторический вопрос «*What is Russia Doing in the Black Sea?*»²⁶. В сдержанной с точки зрения образности форме автор излагает историю присутствия России в Черноморском регионе, предлагает базовые тезисы в нейтральной тональности, но все же обращается к спортивной метафоре: «*In 1783, Catherine the Great fulfilled Russia's historical quest for a warm water port*»; «*Russia has been an important power in the region, often*

²² Там же.

²³ Stent A. Russia's Battle for the Black Sea [Электронный ресурс] // Foreign Affairs. August 16, 2021. URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/turkey/2021-08-16/russias-battle-black-sea> (дата обращения: 10.02.2022).

²⁴ Там же.

²⁵ Там же.

²⁶ Stronski P. What is Russia Doing in the Black Sea? [Электронный ресурс] // Carnegie Endowment for International Peace. May 20, 2021. URL: <https://carnegieendowment.org/2021/05/20/what-is-russia-doing-in-black-sea-pub-84549> (дата обращения: 10.02.2022).

going head-to-head with the Ottoman Empire and then with Turkey over access to the sea»; «In the two decades following the Cold War, Russia experienced a reversal of its fortunes in the Black Sea region»; «Russia is unlikely to back down and will defend its position fiercely»; «Russia has long been concerned about Turkey's ability to use the straits as a chokehold during a conflict [удушающий прием]; «Today, Russia views the Crimean peninsula as a springboard to project power into the wider Mediterranean region»²⁷.

Метафора проекции силы России в Средиземноморье через Черноморский регион является сквозной для экспертного дискурса: «For Moscow, the security of the Russian homeland and the ability to project power top all other considerations»²⁸. Она актуализирует вечную тему нехватки для России выхода к южным морям, когда, по мнению Запада, любое отсутствие экспансии со стороны России воспринимается ею как угроза захвата. Россия, будучи сухопутной державой, а не морской, как та же Британская империя, вынуждена была сталкиваться с врагами на своей территории. Например, американский военно-морской историк и теоретик А. Мэхэн в 1902 г., как указывает Р. Каплан, обнаруживает извечный психологический комплекс России: русский национальный характер агрессивен, потому что Россия безнадежно удалена от открытого моря, не имеет возможности для накопления материальных благ, что заставляет ее испытывать недовольство, легко переходящее в агрессию²⁹. Британский географ и геополитик, автор теории Хартленда, Х. Маккиндер определяет страх России перед вторжением с суши как основной³⁰. В совокупности агрессия, страх вторжения, подозрительность побуждают Россию к постоянной экспансии. Эта мысль артикулируется в докладе RAND 2019 г.: «The Black Sea has long been an important economic and strategic outlet for Russia. One of the country's few year-round warm-water seafronts, the Black Sea ports provide a key economic transit point»³¹, и в докладе RAND 2020 г.: «The Black Sea region is an intersection of several core Russian concerns and a critical nexus for defending the Russian homeland, maintaining a sphere of influence, shaping the future of Europe, and projecting power into the Eastern Mediterranean and the Middle East»³². В годовом отчете 2019 г. испано-американского аналитического центра The European Institute of the Mediterranean (EEMed), основанного в 1989 г. и изучающего процессы в Евро-Средиземноморье, Черноморский регион также предстает платформой для проекции силы со стороны России: «Moscow's military build-up and expansive diplomatic, political and economic efforts are intended to establish the Black Sea as a power projection platform for the Russian armed

²⁷ Там же.

²⁸ Там же.

²⁹ Каплан Р. Месть географии. Что могут рассказать географические карты о грядущих конфликтах и битве против неизбежного. М. : Колибри, Азбука-Аттикус, 2015. С. 125–126.

³⁰ Там же. С. 176.

³¹ Extending Russia Competing from Advantageous Ground / J. Dobbins [et al.], RAND. 2019.

³² Russia, NATO and Black Sea Security / S. J. Flanagan [et al.], RAND CA; 2020. P.x

forces»³³, и также применяется тактика аналогий: дестабилизирующими игроками на «больших пространствах» выступают Россия и Китай, а ключевая роль в обеспечении стабильности Черноморского региона отводится США. «Постоянное нахождение в состоянии войны – вот качество русских»³⁴, – пишет Р. Каплан. Ничего удивительного, что доминирующим эпитетом по отношению к действиям России на внешнеполитической арене в целом и в регионе в частности является эпитет «агрессивный» (*aggressive*). При том, что Черное море признается ядром безопасности России (For centuries, Russia has viewed the Black Sea as central to its security³⁵ (Brookings); The Black Sea region is an intersection of several core Russian concerns and a critical nexus for defending the Russian homeland³⁶ (RAND)), ее поведение в регионе всегда описывается как агрессивное: «Thus began Russia's aggressive return to the Black Sea region»³⁷; «In March 2014... Russian aggression against Georgia and Ukraine»³⁸; «the Kremlin's aggressive reaction to U.S. naval and air patrols in and over the Black Sea»³⁹.

Само значение понятия «агрессия» подразумевает наличие субъект-объектных отношений: в контексте Черноморского региона объектом российской агрессии вполне закономерно продолжает на протяжении семи лет представляться Украина, однако подчеркивается более интенсивная фаза конфликта, готового перерасти в военное противостояние. Поведение России трактуется как часть украинского кризиса.

В материале «The Russian and Ukrainian Spring 2021 War Scare»⁴⁰ от 21 сентября 2021 г. весенние российские учения на российско-украинской границе Н. Белесков, заместитель директора Института мировой политики (SCIS), трактует в рамках регионального украинского кризиса, но при этом опирается на военную метафору: используется терминология военного психоза, ожидания войны. Например, этим же понятием *war scare* именуется «военная тревога» в СССР 1927 г. (Англо-советский конфликт 1927 г.). Эпитет *aggressive* в материале встречается трижды: «another round of Russian aggression»; «Given this experience, this year's mass movement of hardware and troops made some experts think about the worst-case scenario – an all-out Russian aggression against Ukraine – which would go beyond the more limited use of force in 2014–15»; «The same is true today. Russian threats and aggressive moves might influence the target audience in the West in the way Moscow desires»⁴¹.

³³ Carafano J. J. US Foreign Policy in the Mediterranean Region and how it Affects Other Actors. 2019. IEMED. 2018. P. 228.

³⁴ Каплан Р. Месть географии. С. 189.

³⁵ Stent A. Russia's Battle for the Black Sea.

³⁶ Russia, NATO and Black Sea Security / S. J. Flanagan [et al.].

³⁷ Stent A. Russia's Battle for the Black Sea.

³⁸ Stronski P. What Is Russia Doing in the Black Sea?

³⁹ Там же.

⁴⁰ Bielieskov M. The Russian and Ukrainian Spring 2021 War Scare [Электронный ресурс] // Center for Strategic and International Studies. 2021. 21 Sept. URL: <https://www.csis.org/analysis/russian-and-ukrainian-spring-2021-war-scare> (дата обращения: 10.02.2022).

⁴¹ Там же.

Особого внимания заслуживает отношение к теме присутствия России в Черноморском регионе в дискурсе британских экспертно-аналитических центров. В 2021 г., после официального выхода Великобритании из Европейского союза, он разворачивается в рамках региональной повестки с акцентом на Украине. Как отмечает К. Годованюк, Лондон представляет себя ближайшим союзником Киева в попытке укрепить собственные позиции в Европе после Брекзита, сформировать особую роль в региональной безопасности и обеспечить собственные экономические интересы. Центральный элемент британской стратегии – сдерживание Москвы. В частности, Британия использует «украинский фактор» для выстраивания военно-стратегического сотрудничества в Черноморском регионе со странами НАТО. В целом это соответствует курсу новой администрации США [18]. Однако уже к концу 2021 г. можно отследить динамику и изменение характера дискурса, центральным элементом которого становится инцидент с эсминцем «Дефендер» в июне 2021 г.: мы можем охарактеризовать его как кульминационную точку, но он не является завязкой общего нарратива, посвященного взаимоотношениям Великобритании и России в Черноморском регионе. Апрельский материал Chatam House разворачивает региональную повестку, выводя третью плоскость содержания конфликта – извлекаемые уроки: «In mid-April, international media reported Russia will invade or go to war with Ukraine, without realizing this is already effectively the case. Russia's annexation of Crimea and invasion of Donbas back in 2014 essentially created a war – although it remains undeclared – with Ukraine»⁴². Понятие «война» предстает здесь не метафорой, а правдивым описанием ситуации, на которое принято закрывать глаза, причем эта война разворачивается в информационной плоскости, где в роли оружия выступает слово: «to achieve *information dominance*, Russia saturates the rest of the world with what Moscow wants everyone to focus on – namely *shock and awe* and *fear-mongering*. The message becomes the weapon which has the tendency to limit options in terms of pushing back against Russia. Focusing too much on military capabilities and numbers only leads to self-deterrence»⁴³.

Таким образом, в нарративах британского Chatam House можно вывести доминантную линию конфликта с Россией: он полностью смещен в информационную плоскость, что после инцидента с «Дефендером», который, кстати, шел из Одессы после заключения ряда прямых договоров между Министерством обороны Украины и Великобританией, в том числе о постройке двух британских военных баз, получает идеально четкую артикуляцию. Материал К. Джэйлса, эксперта по вопросам безопасности, затрагивающим Россию, и по Вооруженным силам Российской Федерации, от 24 июня 2021 г.,

⁴² Boulègue M. Five Lessons from Russia's Ukraine Military Escalation [Электронный ресурс] // Chatam House. 2021. 29 April. URL: <https://www.chathamhouse.org/2021/04/five-lessons-russias-ukraine-military-escalation> (дата обращения: 10.02.2022).

⁴³ Там же.

вышедший на следующий день после инцидента с эсминцем «Дефендер», переносит реальное противостояние в нарративное пространство. Заголовок «Россия рассказывает старые сказки» (Black Sea Incident is Russia telling the same old story) задает тон материалу, в котором отрицается военная мощь России: «рассказы», «заявления», «вымысел», «годы обмана и дезинформации», «увлекательные истории» – вот те лексические единицы, которые описывают поведение Москвы, а противопоставляется им «кристальная честность» британского МИДа. Вывод и рекомендация эксперта однозначны: «But it is also important for the UK to get its own story straight»⁴⁴ – Великобритания всегда должна продвигать свою версию происходящего. Однако впечатление о том, что британский эксперт заявляет о невозможности военного противостояния с Россией, является ложным. Весь материал оживает риторико холодный войны за счет привлечения прямых аналогий. Выясняется, что в 1988 г. ровно в той же точке у мыса Фиолент в рамках операций по обеспечению свободы судоходства произошло столкновение военных кораблей НАТО и СССР, когда последние пошли на таран. Данный документ войдет в сборник документов Chatam House под названием What Deters Russia⁴⁵. Именно инцидент с «Дефендером» выводит в топ дискурсов экспертно-аналитических центров хорошо знакомое понятие *innocent passage* (мирный проход).

Обсуждение и заключение. В 2020–2021 гг. можно выделить несколько типов определения геополитической роли Черноморского региона в нарративах экспертно-аналитических центров:

- 1) американскими «фабриками мысли» регион воспринимался как глобальный, являющийся пространством конкуренции великих держав (great-power competition), которая не должна перерасти в военное столкновение, но интересный только в связке с Китаем, что было заложено еще доктринальными документами администрации Д. Трампа. Характер конкуренции концептуализировался за счет спортивных метафор (азартные игры, силовые виды спорта);
- 2) Великобритания акцентировала интересы на Украине, подчеркивая свою высокую миссию по защите слабого и распространению либеральных ценностей, кроме того, настаивая на неспособности России оказывать реальное военное сопротивление. Летний инцидент с «Дефендером» меняет риторiku и становится точкой выхода на арену Глобальной Британии (Global Britain). Понятия «мирный проход» и «свобода судоходства» оказываются базовыми для построения британской оборонной политики и внешнеполитической стратегии, направленной на установление будущего мирового порядка. То, что поведение Британии на море оказалось в лидерах всех заголовков, не только воскресило старинный конфликт морских либеральных держав

⁴⁴ Giles K. Black Sea Incident is Russia Telling the Same Old Story [Электронный ресурс] // Chatam House. 2021. 24 June. URL: <https://www.chathamhouse.org/2021/06/black-sea-incident-russia-telling-same-old-story> (дата обращения: 10.02.2022).

⁴⁵ Там же.

с сухопутными, но и стало демонстрацией морского проявления Глобальной Британии. Действия «Дефендера» у крымских берегов, Королевский флот у Тайваня и в Тихоокеанском регионе – однозначное послание тем, кто не разделяет присущее Великобритании видение глобального морского порядка, символизирующее возвращение традиционной Британской имперской морской политики.

Перспективным направлением исследования видится совершенствование методологии анализа политических текстов в условиях ужесточения конкуренции международных акторов, а также включение в исследовательскую повестку материалов «фабрик мысли» других западных государств, разрабатывающих тематику Черноморского региона, ставшего пространством военно-политического, информационно-экспертного и медийного противостояния. Материалы статьи могут быть использованы в работе различных структурных подразделений Министерства иностранных дел Российской Федерации при информационно-аналитическом сопровождении внешнеполитических шагов ведущих держав Запада, а также в разработке комплекса ответных мер со стороны России. Кроме того, материал может быть функционален для работы ведущих российских СМИ, задачей которых является борьба за «умы и сердца» как российской, так и зарубежной аудитории. Материалы публикации могут также быть использованы для чтения лекций и ведения практических занятий по политической лингвистике, анализу политического дискурса, медиатехнологиям и т. д.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Ирхин А. А., Москаленко О. А. Черноморский регион в конкуренции геополитических проектов великих держав в 1991–2019 гг. // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер.: Международные отношения. 2021. Т. 21, № 3. С. 498–516. doi: <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2021-21-3-498-516>

2. Ильин М. В. Вводный очерк для Большого Средиземноморья // Project: Greater Mediterranean. 2020. 32 с. doi: <https://doi.org/10.13140/RG.2.2.22076.18569>

3. Концепция геостратегического атласа Большого Средиземноморья / В. Д. Нечаев [и др.] // Вестник Московского университета. Сер. 5: География. 2019. № 1. С. 67–74. URL: https://vestnik5.geogr.msu.ru/jour/article/view/506?locale=ru_RU (дата обращения: 10.02.2022).

4. Чихарев И. А. Россия в Большом Средиземноморье: новый тихоокеанско-европейский транзит // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер.: Международные отношения. 2021. Т. 21, № 3. С. 441–458. doi: <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2021-21-3-441-458>

5. Чихарев И. А. Большое Средиземноморье как многомерный объект политических исследований // Полис. Политические исследования. 2021. № 3. С. 129–146. doi: <https://doi.org/10.17976/jpps/2021.03.09>

6. Irkhin A. A., Moskalenko O. A. Russia's Foreign Policy in the Great Mediterranean: Prospects and Constraints // *Geopolitics Quarterly*. 2020. № 15 (4). Pp. 110–121. URL: http://journal.iag.ir/article_93709.html?lang=en (дата обращения: 10.02.2022).
7. Агазаде М. М. Большой Средиземноморский региональный комплекс безопасности: миф или реальность? // *Вестник Российского университета дружбы народов. Сер.: Международные отношения*. 2021. Т. 21, № 3. С. 429–440. doi: <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2021-21-3-429-440>
8. Asmus R. Developing a New Euro-Atlantic Strategy for the Black Sea Region // *Insight Turkey*. 2004. Vol. 6, no. 3. Pp. 43–65. URL: <https://www.jstor.org/stable/26328588> (дата обращения: 10.02.2022).
9. Ирхин А., Москаленко О. «Мир больше пяти». Становление Турции в качестве глобального актора мировой политики: перспективы и вызовы для России // *Вестник Российского университета дружбы народов. Сер.: Международные отношения*. 2021. Т. 21, № 1. С. 91–107. doi: <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2021-21-1-91-107>
10. Bryza M. The Policy of the United States toward the Black Sea Region // *Next Steps in Forging Euroatlantic Strategy for the Wider Black Sea* / ed. by R. Asmus. Washington D.C. : The German Marshall Fund of the United States, 2006. Pp. 37–42. URL: <https://atlanticpartnership.org/2006/11/next-steps-in-forging-a-euroatlantic-strategy-for-the-wider-black-sea-ap/> (дата обращения: 10.02.2022).
11. Tsantoulis Y. Geopolitics, (Sub)Regionalism, Discourse and a Troubled 'Power Triangle' in the Black Sea // *Southeast European and Black Sea Studies*. 2009. Vol. 9, issue 3. Pp. 243–258. doi: <https://doi.org/10.1080/14683850902934168>
12. Tsantoulis Y. *The Geopolitics of Region Building in the Black Sea: A Critical Examination*. London : Routledge, 2020. 198 p. doi: <https://doi.org/10.4324/9780429264412>
13. Semenyshyn M. The Black Sea Region in the Media. ICBSS Policy Brief. 2014. No. 29. 29 p. URL: https://www.files.ethz.ch/isn/182969/1163_original.pdf (дата обращения: 10.02.2022).
14. Чихарев И. А., Ярмак О. В. Большое Средиземноморье в дискурсе исследовательских и экспертно-аналитических центров // *Вестник Российского университета дружбы народов. Сер.: Политология*. 2019. Т. 21, № 1. С. 99–109. doi: <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2019-21-1-99-109>
15. Lakoff G., Johnson M. *Metaphors We Live by*. Chicago : The University of Chicago Press, 2003. 276 p. URL: <https://press.uchicago.edu/ucp/books/book/chicago/M/bo3637992.html> (дата обращения: 10.02.2022).
16. Москаленко О. А., Ирхин А. А. Вербализация внешнего врага в доктринальных документах США // *Colloquium-Journal*. 2019. № 27-7 (51). С. 53–54. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=41662641> (дата обращения: 10.02.2022).
17. Wallerstein I. *European Universalism: The Rhetoric of Power*. New York : New Press, 2006. 128 p. URL: <https://sociology.yale.edu/publications/european-universalism-rhetoric-power> (дата обращения: 10.02.2022).
18. Годованюк К. А. Украина в контексте внешнеполитических интересов Великобритании // *Постсоветские исследования*. 2021. Т. 4, № 5. С. 427–34. URL: <https://>

www.postussr.org/files/ugd/0206eb_aac2d3a1005f4aea822d0a07f008cec3.pdf (дата обращения: 10.02.2022).

Поступила 11.02.2022; одобрена после рецензирования 22.03.2022; принята к публикации 31.03.2022.

Об авторах:

Москаленко Ольга Александровна, доцент кафедры теории и практики перевода Севастопольского государственного университета (299053, Российская Федерация, г. Севастополь, ул. Университетская, д. 33), кандидат филологических наук, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4162-3162>, Scopus ID: 57211746837, Researcher ID: F-2699-2016, kerulen@bk.ru

Ирхин Александр Анатольевич, заведующий кафедрой политических наук и философии Севастопольского государственного университета (299053, Российская Федерация, г. Севастополь, ул. Университетская, д. 33), доктор политических наук, доцент, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7895-550X>, Scopus ID: 57212405239, Researcher ID: A-4781-2019, alex.irhin@mail.ru

Кабанова Наталья Евгеньевна, старший преподаватель кафедры теории и практики перевода Севастопольского государственного университета (299053, Российская Федерация, г. Севастополь, ул. Университетская, д. 33), ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1395-3217>, natalia.kabanova@gmail.com

Заявленный вклад авторов:

О. А. Москаленко – подготовка начального варианта текста; разработка концепции исследования.

А. А. Ирхин – разработка концепции исследования; развитие методологии.

Н. Е. Кабанова – критический анализ и доработка текста; формализованный анализ данных.

Все авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

REFERENCES

1. Irkhin A.A., Moskalenko O.A. The Black Sea Region in the Contest of Geopolitical Projects of the Great Powers, 1991–2019. *Vestnik RUDN. International Relations*. 2021;21(3):498–516. (In Russ., abstract in Eng.) doi: <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2021-21-3-498-516>

2. Ilyin M.V. Introductory Essay to the Greater Mediterranean. Project: Greater Mediterranean. 2020. (In Russ.) doi: <https://doi.org/10.13140/RG.2.2.22076.18569>

3. Nechaev V.D., Chikharev I.A., Irkhin A.A., Makovskaya D.V. Framework of the Geostategic Atlas of the Greater Mediterranean. *Moscow University Bulletin. Series 5, Geography*. 2019;(1):67–74. Available at: https://vestnik5.geogr.msu.ru/jour/article/view/506?locale=ru_RU (accessed 10.02.2022). (In Russ., abstract in Eng.)

4. Chikharev I.A. Russia in Greater Mediterranean: New Pacific Eurasian Transition. *Vestnik RUDN. International Relations*. 2021;21(3):441–458. (In Russ., abstract in Eng.) doi: <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2021-21-3-441-458>
5. Chikharev I.A. The Great Mediterranean as a Multi-Dimensional Object of Political Research. *Polis. Political Studies*. 2021;(3):129–146. (In Russ., abstract in Eng.) doi: <https://doi.org/10.17976/jpps/2021.03.09>
6. Irkhin A.A., Moskalenko O.A. Russia's Foreign Policy in the Great Mediterranean: Prospects and Constraints. *Geopolitics Quarterly*. 2020;(15):110–121. Available at: http://journal.iag.ir/article_93709.html?lang=en (accessed 10.02.2022).
7. Aghazada M.M. Greater Mediterranean Regional Security Complex: Myth or Reality? *Vestnik RUDN. International Relations*. 2021;21(3):429–440. (In Russ., abstract in Eng.) doi: <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2021-21-3-429-440>
8. Asmus R. Developing a New Euro-Atlantic Strategy for the Black Sea Region. *Insight Turkey*. 2004;6(3):43–65. Available at: <https://www.jstor.org/stable/26328588> (accessed 10.02.2022).
9. Irkhin A.A., Moskalenko O.A. “The World is Bigger than Five”. Turkey's Emergence as a Global Actor in World Politics: Prospects and Challenges for Russia. *Vestnik RUDN. International Relations*. 2021;21(1):91–107. (In Russ., abstract in Eng.) doi: <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2021-21-1-91-107>
10. Bryza M. The Policy of the United States toward the Black Sea Region. In: Asmus, R. editor. Next Steps in Forging Euroatlantic Strategy for the Wider Black Sea. Washington D.C.: The German Marshall Fund of the United States; 2006. p. 37–42. Available at: <https://atlanticpartnership.org/2006/11/next-steps-in-forging-a-euroatlantic-strategy-for-the-wider-black-sea-ap/> (accessed 10.02.2022).
11. Tsantoulis Y. Geopolitics, (Sub)Regionalism, Discourse and a Troubled ‘Power Triangle’ in the Black Sea. *Southeast European and Black Sea Studies*. 2009;9(3):243–258. doi: <https://doi.org/10.1080/14683850902934168>
12. Tsantoulis Y. The Geopolitics of Region Building in the Black Sea: A Critical Examination. London: Routledge; 2020. doi: <https://doi.org/10.4324/9780429264412>
13. Semenyshyn M. The Black Sea Region in the Media. ICBSS Policy Brief. 2014. No. 29. Available at: https://www.files.ethz.ch/isn/182969/1163_original.pdf (accessed 10.02.2022).
14. Chikharev I.A., Yarmak O.V. The Greater Mediterranean in the Discourse of Research and Expert Analytics Centers. *RUDN Journal of Political Science*. 2019;21(1):99–109. (In Russ., abstract in Eng.) doi: <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2019-21-1-99-109>
15. Lakoff G., Johnson M. *Metaphors We Live by*. Chicago: The University of Chicago Press; 2003. Available at: <https://press.uchicago.edu/ucp/books/book/chicago/M/bo3637992.html> (accessed 10.02.2022).
16. Moskalenko O.A., Irkhin A.A. Exterior Enemy Verbalization in USA Doctrinal Documents. *Colloquium-Journal*. 2019;(27-7):53–54. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=41662641> (accessed 10.02.2022). (In Russ., abstract in Eng.)
17. Wallerstein I. *European Universalism: The Rhetoric of Power*. New York: New Press; 2006. Available at: <https://sociology.yale.edu/publications/european-universalism-rhetoric-power> (accessed 10.02.2022).

18. Godovanyuk K.A. Ukraine in Light of British Foreign Policy Interests. *Post-Soviet Studies*. 2021;4(5):427–434. Available at: https://www.postussr.org/_files/ugd/0206eb_aac-2d3a1005f4aca822d0a07f008cec3.pdf (accessed 10.02.2022). (In Russ., abstract in Eng.)

Submitted 11.02.2022; approved after reviewing 22.03.2022; accepted for publication 31.03.2022.

About the authors:

Olga A. Moskalenko, Associate Professor, Department of Theory and Practice of Translation, Sevastopol State University (33 Universitetskaya St., Sevastopol 299053, Russian Federation), Cand. Sci. (Philology), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4162-3162>, Scopus ID: 57211746837, Researcher ID: F-2699-2016, kerulen@bk.ru

Aleksandr A. Irkhin, Head, Department of Political Science and Philosophy, Sevastopol State University (33 Universitetskaya St., Sevastopol 299053, Russian Federation), Dr. Sci. (Political Science), Associate Professor, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7895-550X>, Scopus ID: 57212405239, Researcher ID: A-4781-2019, alex.irhin@mail.ru

Natalya E. Kabanova, Senior Lecturer, Department of Theory and Practice of Translation, Sevastopol State University (33 Universitetskaya St., Sevastopol 299053, Russian Federation), ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1395-3217>, natalia.kabanova@gmail.com

Contribution of the authors:

O. A. Moskalenko – draft of the manuscript; concept of the research.

A. A. Irkhin – concept of the research; development of the methodology.

N. E. Kabanova – critical analysis and editing of the text; formal data analysis.

All authors have read and approved the final version of manuscript.